

На правах рукописи

ТАРАСОВ Павел Григорьевич

**ИСПОВЕДАЛЬНОЕ НАЧАЛО
В ХРИСТИАНСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ**

Специальность 09.00.13 – религиоведение, философская антропология,
философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Белгород – 2008

Работа выполнена на кафедре философии
ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Римский Виктор Павлович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Торубарова Татьяна Викторовна

кандидат философских наук, доцент
Крикун Елена Владимировна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Орловский государственный
университет»

Защита состоится 30 октября 2008 г. в 16.00 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при Белгородском государственном университете (308006 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белгородского государственного университета (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «___»_____2008 г.
Автореферат размещен на сайте: <http://www.bsu.edu.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Т.И. Липич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется внутренней логикой исторического развития в целом, ибо прошлое не исчезает, но является неотъемлемым смысловым фрагментом настоящего. Развитие философской мысли невозможно без мысленной реконструкции ее исходных оснований и теоретических предпосылок. Исследование феномена исповедального начала в европейской культурной традиции позволяет переосмыслить антропологические, онтологические и гносеологические понятия и концепты, имеющие непреходящее значение для построения целостной картины мира современного человека.

Христианское исповедальное слово возникло в истории европейской культуры как обновление античной философской парадигмы самопознания и самоидентичности. Это было обусловлено сменой культурных эпох и необходимостью переоценки античного наследия в свете новых задач христианской Европы. Исповедь – один из литературных жанров, в котором как ни в каком другом просматриваются глубинные основания человеческой сущности. В исповедальном слове актуализируются личные, можно сказать, экзистенциальные проблемы судьбы, свободы, творчества, любви. Проблематика исповедального слова столь же широка, как и сам человек, его мысли и чувства.

Исповедальное слово сформировало своего рода структурную матрицу христианского мировоззрения, в которой место человека было определено на многие столетия вперед – вплоть до настоящего времени. Философское осмысление исповедального начала в структуре христианского мировосприятия позволяет осознать специфику европейской модели сознания в его основаниях. Исследователи, стремившиеся показать процесс формирования философско-антропологической мысли и ее достижения на протяжении истории человечества, уделяли данному обстоятельству недостаточное внимание. Феномен исповедального слова и его теоретические основания раскрывают суть философско-антропологического измерения современного мировоззрения.

Степень научной разработанности проблемы. Исповедь можно понимать в узком и широком смысле. В первоначальном значении под исповедью понимается церковное таинство, имеющее место в литургической практике христианства. Метафизический горизонт исповедального начала в структуре христианского мировосприятия тесным образом связан с историей утверждения литургического канона таинства исповеди в христианской Европе. Во втором значении – это особая форма самовыражения и самопознания, в которой проявляется вся полнота творческого начала человека.

Тема исповедального начала выражает узловые моменты становления европейской культуры. Зародившись в качестве важнейшего элемента христианского вероучения, исповедь очень скоро обретает и «светский» статус. Последнему обстоятельству особенно способствовало появление религиозно-художественных текстов Блаженного Августина, Северина Боэция, Пьера Абеляра, Мейстера Экхарта, Бернара Клервоского и других мыслителей средневековья. Постепенно тема исповеди приобретает универсальный ха-

рактер средневековой культуры, воспринимается в качестве подлинного архетипа европейского мыслительного дискурса. Исповедь становится уникальной формой человеческого самосознания. В ней раскрывается не только смысл религиозного откровения, но и критерии подлинности самого бытия.

Обращаясь к обзору литературы, посвященной изучению исповедального начала в христианском мировосприятии, следует отметить, что попытки раскрытия данного феномена предпринимались преимущественно в контексте проблемы соотношения античной и христианской религиозных традиций, а также в исследованиях по христианской теологии и аскетике. В подобных исследованиях косвенно затрагивается проблема генезиса раннехристианской исповедальной практики в контексте сравнительного анализа антропологических учений. С учетом сказанного исследования по проблематике следует разделить на три этапа.

Первый, дореволюционный этап начинается в конце XIX и длится до революционных событий начала XX века. В этот период было написано достаточное количество работ исторического, философского и богословского характера, косвенно затрагивающих тему исповедального начала христианского мировоззрения. Среди работ по истории стоит отметить исследования В.В. Болотова, А.С. Спасского, В.Ф. Иваницкого, П.А. Милославского, М.Д. Муретова, М.Э. Поснова и др. Данные авторы предлагают довольно подробную историческую характеристику периоду IV в. до н.э. – VII в. н.э. Исследуя проблему культурных заимствований в христианстве, они поднимают и пласт проблем, связанных с историей формирования догматической архитектоники христианского сознания.

К исследованиям философско-богословского плана, посвященным рассмотрению сущностных начал античной и раннехристианской духовных практик, относятся работы П.И. Линицкого, Н.И. Новосадского, И.В. Попова, Н.И. Кареева, Б.П. Вышеславцева, М.М. Тареева. Данные авторы с православных позиций анализируют совокупность этических и религиозных взглядов представителей античности относительно практики самопознания. Например, Н.И. Новосадского, П.И. Линицкого особо интересует вопрос о месте религии во взглядах Платона на воспитание. В работах М.М. Тареева христианское мировоззрение представляется в сугубо богословской систематизации. О.М. Новицкий исследует вопрос идейного взаимовлияния философских и богословских школ в эпоху зарождения христианства. Он считает, что синкретизм был определяющей сознательной установкой александрийской апологетической школы. Данные авторы являются религиозно ориентированными, поэтому в их исследованиях высказывания раннехристианских и патристических мыслителей представлены как некая целостная система христианского учения о человеке.

Теологические аспекты философии античности и христианства исследовали такие философы как М.А. Орлов, П.П. Блонский, В.С. Соловьёв, С.Л. Франк, Н.И. Сагарда, Е.Н. Трубецкой, П.И. Верещацкий, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, С.Л. Епифанович, М.А. Олесницкий, В.И. Несмелов, И.Н. Корсунский в работе «Судьбы идеи о Боге в истории религиозно-

философского мирозерцания Древней Греции» исследует проблему соотношения учения о личном Боге в христианстве с духовной практикой в Древней Греции. Исследователь полагает, что уже в античности имело место учение о личном Боге. Данное учение непосредственным образом повлияло на развитие как Александрийского, так и Каппадокийского вариантов христианского богословия и мировоззрения. В.Н. Лосский и М.А. Новоселов исследуют ключевую проблему христианского мировоззрения – соотношение догмата и мистики в богословии и связанную с ними теорию святости.

В работах С.М. Зарина дается систематический анализ аскетических духовных практик восточного христианства первых пяти столетий. В особом ряду стоит имя А.А. Алмазова, который предлагает исследование по обзору внешней исторической судьбы исповеди как чина и церковного таинства. Авторы указанного периода и направления не прибегают к анализу самой идеи исповедального начала в ее историко-культурном и философско-богословском ракурсах. При этом они доказывают высокую степень оригинальности духовной практики зарождающегося христианства. Исключение составляют работы И.В. Попова, С.Н. Трубецкого и И.Н. Корсунского, которые, на наш взгляд, интуитивно обозначили, но не решили проблему истоков исповедальной практики раннего христианства. В работе «Учение о Логосе в его истории» С.Н. Трубецкой предлагается свою концепцию генетического развития Логоса как центрального для раннехристианской философско-богословской мысли понятия от Гераклита Эфесского до св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Исследователь полагает, что его труд поможет лучше понять место христианства в истории идей.

Второй, советский этап начинается после революции и продолжается вплоть до 90-х гг. XX в. В этот период следует отметить таких авторов, как И.С. Свенцицкая, А.Л. Хосроев, А.Б. Ранович, М.К. Трофимов, И.В. Крывелев, Л.А. Чухина, Л.П. Шепеля. Их труды носят преимущественно историко-культурологический характер и содержат обширнейший материал по формированию целостного представления об эпохе перехода от античной культуры к христианскому средневековью.

Среди работ историко-философского и философско-культурологического изучения античности и средневековья и переходных процессов важны исследования А.Ф. Лосева, Г.Г. Майорова, В.В. Соколова, В.С. Нерсисянца, В.В. Бычкова, С.С. Аверинцева, З.В. Удальцовой, В.И. Уколовой, Т.А. Уманской, О.Е. Нестеровой, Н.И. Григорьевой, И.О. Евтухова, В.Н. Ярхо, В.Л. Рабиновича, Ф.Х. Кессиди, Г.В. Драча и др. Но, несмотря на обширность и систематичность творческого наследия этих авторов, они делают довольно фрагментарные упоминания в отношении нашей темы.

Третий период, постсоветский начинается с конца XX в. и продолжается по наши дни. В условиях деидеологизации общественного сознания интерес ко всем вопросам, имевшим место на переходе от античности к эре христианства, необычайно возрос. Попытку современного теоретического переосмысления проблем, связанных с теорией единства античного философско-религиозного наследия и раннего христианства, находим в сочинении

ях С.С. Хоружего, который целостно подходит к раскрытию духовных практик христианства первых веков и связанного с ними феномена аскезы в контексте православной антропологии. Такие авторы как А.Ф. Фокин, В.А. Подорога, А.А. Сидоров, Н.Г. Гаврюшина, Д.В. Новиков глубоко исследуют раннехристианское патристическое наследие Востока и Запада, но феномен исповедального начала в христианском мировосприятии в их исследованиях не освещается.

Особенно хотелось бы отметить работы, посвященные раскрытию платонизма и неоплатонизма в идейной компоненте раннесредневековой мысли, таких современных ученых как А.В. Ахутин, И.В. Берестов, Р.В. Светлов, А.В. Цыб, А.В. Петров, Ю.Г. Седов, Т.Ю. Бородай, Д.В. Бугай, М. Владиславлев, П.П. Гайденко, М.А. Гарнцев, И.А. Гончаров, Т.Г. Захарова, В.П. Лега, Л.Ю. Лукомский, С.В. Мельник, Д.В. Никулин, Е.А. Ханпира, И.А. Протопопова, Т.А. Семане, А.В. Ситников, М.А. Солопова, Ю.А. Шичалин, А.С. Шофман, В.Я. Саврей. Указанные исследователи характеризуют платонизм и неоплатонизм как единую систему взглядов и духовных установок, которые явились прототипом формирования христианского теологического мировоззрения.

Культурологическому аспекту христианской исповеди посвящены исследования таких авторов как В.Л. Рабинович, М.С. Уваров, Л.М. Баткин, К.С. Аллахвердиев, Н.А. Бухарин, А.А. Вихрев, В.А. Лекторский. Изучение вопросов структуры античного и средневекового религиозного сознания, а также оснований познавательной концепции в исповедальном жанре освещаются в исследованиях Т.В. Торубаровой, Р.А. Лошакова, Т.А. Нестик, Е.Ф. Оськиной, В.П. Римского, В.С. Сизова. Исследование наследия Августина в контексте учения о самопознании имеет место в работах О.Е. Нестерова, С.С. Неретиной, которые представляют «Исповедь» Августина как пример теолого-философской рефлексии.

Что касается *зарубежных исследований*, затрагивающих проблему исповедального начала в структуре христианского мировоззрения, то можно сказать, что их немного. В основном это обзорные исследования по античной философии и христианской теологии, а также специальные статьи по отдельным жанровым аспектам христианского корпуса литературы. Здесь работа проводилась по двум направлениям:

1) историко-философское – здесь особенно хотелось бы отметить исследования таких известных ученых, как В. Йегер, П. Адо, Ж. Маритен, А.-Ж. Фестюжьер, В. Дюрانت, Э. Целлер, Й.К.Л. Гизелер, Й. Квастен, К. Шольтен, Б. Хигглунд, В. Виндельбанд, Л. Гольдман, П. Гиро, Ч. Грисвуд, Дж. Хессен;

2) философско-богословском – Ч. Бигг, А.-Х. Армстронг, А. фон Гарнак, А. Амман, П. Рикерт, Дж. Рист, А. Ван ден Хук, Ф. Коплстон, Ф. Шпидлик, Т. Ратеман, Й. Квастен, М. Вагнер, Э. Жильсон, Х.У. фон Бальтазар, Р. Бультман, М. Фуко, А. Скола, Н. Фишер, И. Даниэлу и другие.

В. Йегер и В. Дюрانت полагают, что вся античная воспитательная традиция находится в определенной зависимости со стороны духовных и рели-

гиозных установок «классического сознания». Такие исследователи, как Ч. Грисвуд и Дж. Рист указывают на то, что в античной философии идея самопознания в творчестве Платона (например, в «Федре») и у Плотина определяется концепцией души человека через обращенность к Высшему Бытию – Благу (Бог, Единое). Известный ученый конца XIX и начала XX вв. Эдвин Хэтч исследует связи греческих и христианских философско-богословских идей в переходный период, когда эллинистический мир постепенно принимал христианство и наделял его некоторыми своими чертами. Он рассмотрел концепцию рационализации христианского исповедального слова. Ряд западноевропейских исследователей обращают пристальное внимание к христианской модели самопознания, внутреннему миру души, психологии и интроспекции.

Объект исследования: *исповедальное начало как историко-культурный и философский феномен в структуре раннехристианского вероучения.*

Предмет исследования: *генезис исповедального начала в раннехристианском богословии на примере творческого наследия Григория Нисского, Максима Исповедника и Блаженного Августина.*

Цель исследования: *представить исповедальное измерение христианской антропологии в культурно-генетической, логико-философской и духовно-нравственной связи с развитием учения о самопознании.*

В соответствии с этим ставятся и **задачи исследования:**

– осмыслить и интерпретировать античные философские концепты самопознания в контексте генезиса патристической антропологии и раннехристианской исповедальной практики;

– определить архитектонику исповедального начала христианского мировосприятия посредством философского анализа его догматического и диалогического моментов;

– раскрыть внутренние закономерности и механизмы формирования исповедальной настроенности христианского сознания;

– рассмотреть культурно-исторические условия формирования и становления основных мировоззренческих принципов, методов и категорий исповедального слова в философско-богословской антропологии Григория Нисского, Блаженного Августина и Максима Исповедника;

– реконструировать на основе герменевтического анализа процесс формирования исповедальной дисциплины в творчестве Блаженного Августина.

Методология исследования определяется характером историко-философского анализа основных концептуальных положений христианской философии и теологии и теоретического осмысления научных идей и обобщений, содержащихся в фундаментальных трудах отечественных и зарубежных ученых.

При изучении источников и критической литературы и рассмотрении исповедального начала использовался метод историко-философского анализа и реконструкции. Компаративистский анализ используется при сравнении различных философских концепций (например, платонической и христианской концепций самосознания и самопознания). Метод сравнительного ана-

лиза применялся и при исследовании преемственности философских идей античных и христианских философов и установлении их новизны. Герменевтический метод использовался при работе с философскими текстами Григория Нисского, Блаженного Августина и преп. Максима Исповедника, которые насыщены символами и образами. Диалектический метод позволял понять становление и внутреннюю взаимосвязь рассматриваемых философских категорий и феноменов духовной жизни в контексте культурно-исторического развития.

Источниковую базу исследования составили сочинения представителей античной философии (Платона, Аристотеля, Плотина) и раннего христианства (Василия Великого, Григория Нисского, Блаженного Августина и преп. Максима Исповедника). Также работы классиков мировой философии Э. Доддса, Э. Жильсона, Ж. Маритена, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Дж. Риста, Ж.-К. Ларше, Н. Фишера, Ф. Коплстона, М.М. Тареева, А.Ф.Лосева, С.С. Аверинцева, В.В. Соколова, Г.Г. Майорова и др.

Научная новизна работы заключается в следующем:

– осуществлен философско-антропологический анализ исповедального начала в структуре христианского мировоззрения.

– эксплицированы античные философские предпосылки исповедального начала христианской духовной традиции.

– определено, что практика самопознания античной философии стала основой развития исповедального начала раннего христианства.

– установлено, что концепт самопознания в античной философии и христианской духовной практике неизбежно сопрячен процессу самосовершенствования человека в душевном стремлении к божественному.

– выявлено, что в наследии Григория Нисского, Августина и преп. Максима Исповедника вера через знание приобретает исповедальную динамику и становится личностно укорененной.

– определено, что исповедальное слово в ранней патристической мысли Востока и Запада (у Григория Нисского, Августина и Максима Исповедника) имеет основным своим модусом самопознание, реализуемое через философскую рефлексию.

Положения, выносимые на защиту:

1. Показано, что исповедальное начало христианского мировоззрения восходит к учению античных философов о самопознании и находит свое завершение в рамках формулы «самопознание-покаяние-исповедь». Выявлено, что для представителей античной философии, начиная с Сократа, Платона и Аристотеля, понятие «рефлексия» становится ключевым в практике самопознания. Метафизический горизонт сознания античного грека-философа определил в ключевых моментах рациональную дидактику души в христианской аскетической традиции. Как в античности, так и в раннехристианскую эпоху понятие «самопознание» сопрячено процессу самосовершенствования души человека в стремлении к божественному. Этот акт есть результат критической рациональной самооценки.

2. Определено, что исповедальное слово в христианском мировоззрении – это опыт философствования в горизонтах метафизической перспективы. Это слово реализуется только через индивидуальное переживание человека и интуитивную открытость очевидности его исходных положений. Выяснено, что исповедальное слово не отказывает в праве на индивидуальность философской интуиции и не исключает диалог. В трудах христианских философов исповедальное начало сообщает философствованию практический смысл и назначение как способу прояснения человеком своего бытия, как опыта вопросов и ответов о смысле бытия. Исповедальный настрой сознания обусловлен догматическим и диалогическим модусами христианской теологической антропологии.

3. Установлено, что длительная борьба восточной церкви за догматы и их каноническое истолкование выражала ее стремление сохранить сознание возможности достижения полноты мистического соединения с Богом. Западная патристика рационализировала догматическую истину Откровения, превращая отрицательное богословие в положительное с целью сохранить содержательность трансцендирующего мышления для философского вопрошания о Боге. Для западных отцов церкви была характерна склонность к моралистическому психологизму и субъективизму, а для восточных примечателен уклон к онтологической спекуляции.

4. Установлено, что теизм исходит из особого понимания как личности, так и бесконечности, которые оказываются между собой нераздельно и всегда связанными. Противодействие мистике тождества, как и отмежевание от пантеистической эманации, это постоянная проблема теизма. Христианское исповедальное слово эксплицируется в готовности слышать и быть услышанным. Показано, что философское осмысление исповедального начала в христианском опыте раскрывает глубину опыта сознания, корнящегося в языке греческой философии, в языке Платона и Аристотеля, стоицизма и неоплатонизма. Диалогичность речи принадлежит сущности самого бытия, бытия как Слова. Это есть творящее обращенное к человеку Слово. Исповедальное слово является процедурой интеллектуального порядка, стремящейся осознавать изначальное онтологическое единство Бога и человека.

5. Определено, что идея внутреннего человека стала одной из ключевых для христианской философии. Основанием ее было антично-христианское учение о Логосе. Соединение рационализма и мистицизма при помощи библейского учения о Божием образе в человеке имеет место в учении о богопознании древних учителей христианской церкви. Внутреннее слово прямо связывается с Христом. Логос понимается как принцип нашего познания и жизни. Логос есть, следовательно, мистический посредник для нашего разума в акте познания им Божества. Это основное положение теории богопознания в достаточной степени характеризует собою умозрительно-мистическую тенденцию исповедального слова раннего христианства.

6. Определено, что толкование текста, экзегеза принимается церковью как нормативный способ заниматься философией. Внешняя сторона испове-

дального начала конституируется опытом догматизирования, который имел форму гимнистической прозы. В теологическом контексте формировались новые концепции имени, знака и символа. Выявлено, что в апофатизме отношение к Богу требует непрерывного покаяния. Утверждается, что в созерцательной молитве сердце раскрывается перед Богом в молчании. Исповедальное начало в творчестве Августина реализуется как текст жизни, автобиография его души. Покаянная исповедь Августина являет собой феноменальное единство метафизического и эмпирического планов бытия человеческого сознания. Акт *cogitatio* у Августина – это личностный акт, внутренняя речь. Самопознание становится наиболее совершенным видом познания. У Августина проблема самопознания подвергалась не столько экзегетическому, сколько всестороннему гносеолого-психологическому анализу.

Теоретико-практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в качестве дополнительного материала к лекционным курсам «История зарубежной философии» и «Религиозная философия» для студентов специальностей «философия» и «теология». Предложенные концепты могут способствовать переосмыслению некоторых этических и метафизических положений философской мысли античности и раннего христианства, что имеет значение для духовно-нравственного воспитания современного человека.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования докладывались на I международных Иоасафовских чтениях (Белгород, декабрь 2003 г.), на ежегодных научных конференциях БелГУ (Белгород, 2003-2007 гг.), на международном молодежном конгрессе «Православие, молодежь и будущее России» (Санкт-Петербург, март 2005г.), на международной научной конференции студентов и аспирантов «III Харківські студентські філософські читання» (Харьков, 2006 г.), на международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Философия поверх барьеров: планетарное мышление и глобализация XXI века» (Белгород, 2006 г.), на всероссийской научной конференции «Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигма» (Белгород, 4 – 7 окт. 2006 г.), на всероссийской научно-практической конференции «Проблематизация человеческого бытия в современном мире» (Курск 15 – 16 мая 2008 г.). Основные положения диссертационного исследования нашли свое отображение в двадцати публикациях. Материалы диссертации использовались автором при чтении курса «Религиозная философия» на социально-теологическом факультете Белгородского государственного университета. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре философии Белгородского государственного университета.

Цели и задачи исследования обусловили **структуру работы**, которая состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** содержится обоснование актуальности заявленной темы и краткая характеристика степени ее разработанности; формулировка цели и задач настоящего диссертационного исследования, раскрывается научная новизна, определяются методология, а также теоретическая и практическая значимость, сообщается об апробации ключевых идей диссертации.

Первая глава диссертации «Генезис исповедального начала в эпоху раннего христианства» содержит анализ метафизических оснований исповедального начала в структуре христианского мировоззрения, находящихся в основе научного и философского измерения раннехристианской мыслительной традиции. Раскрываются основные метафизические и богословские идеи, сложившиеся в рамках античной и христианской практик самопознания.

В *первом параграфе «Античные истоки исповедального начала»* на основе анализа идей античности и раннего христианства выявляются истоки и идейные предпосылки исповедального начала в структуре христианского мировоззрения. Исповедальное начало христианского мировоззрения восходит к учению античных философов о самопознании и находит свое завершение в рамках универсальной формулы самоидентичности «*самопознание-покаяние-исповедь*». Античная философия, начиная с высокой классики, развивала антропологию в рамках рациональной метафизики. У Сократа, Платона и Аристотеля понятие «рефлексия» становится ключевым для определения специфики античной практики самопознания. Метафизический горизонт сознания античного грека-философа определил в ключевых моментах рациональную дидактику души в христианской аскетической традиции.

Как в античности, так и в раннехристианскую эпоху понятие «самопознание», так или иначе всегда сопряжено процессу самосовершенствования души человека в бытийном стремлении к божественному. Этот акт есть всегда выбор и неразрывно связан с процессом познания. В творчестве Платона и Аристотеля обнаруживаются зачатки «рациональной веры», которая явилась необходимым основанием будущей христианской концепции «непротиворечия знания и веры». Определяющей целью конкретного философского вопрошания у Платона, Аристотеля, Плотина, Бл. Августина, Григория Нисского и Максима Исповедника была актуализация потенции духовного «Я» человека через прояснение воплощенного в формах того, что бесформенным семенем лежит в мире причин. Человеческое познание, в конечном счете, оказывается самопознанием.

Познавательные установки процесса самопознания в творчестве античных философов характеризуются наличием в них положения о безусловности «незнания самого себя». Таким образом, самопознание – это «Логосное» знание о себе. Эта философия смотрит на человека как на тело, оживляемое активностью имматериальной и бессмертной души, подлинная жизнь которой – расщепленное (посредством образных представлений и слов) познание аффекций тела и возбуждение движений в нем. Идеал душевной жизни – чистая душа, воссоединенная с вселенской душой и обращенная к первоисточнику рассуд-

ка – уму. Мир ума, мир видов и суетей есть мир бытийности и истины, и ум, жизнь которого состоит в познании и самопознании, есть истина и живое единство мысли и сущего.

Интеллектуальная интуиция – предел и цель чистого рассудка, а интеллигибельный характер – подлинный человек, свобода и нравственность которого – самоопределение через ум.

Во *втором параграфе «Исповедальное и ученое слово в раннем христианстве»* на основании анализа христианской познавательной парадигмы раскрывается особенность исповедального слова как слова преимущественно апофатического. Исследуется концепт «сердца» как критерия достоверности в процессе познания Истины. Идея откровения отделяет патристику от принципа свободного философствования, каким его знала античная философия. Толкование текста, экзегеза – это нормативный для христианства способ заниматься философией. Другой способ – это собирание и сопоставление самых различных идей в стремлении подняться к новому синтезу. Нередко христиане мыслили по школьным канонам философии, которые усваивались образованными людьми из знати, насыщенными старой культурой. Опыт догматизирования осуществлялся в гимнистической прозе. Парадоксально то, что вера нуждалась в логике в силу ее авторитарности. В теологическом контексте формировались новые концепции имени, знака и символа.

Теология выступала против познания как цели-в-себе, в отличие от античной философии. В рамках христианской теологии знание – лишь средство для достижения такой цели, которая превосходит всякое знание, то есть соединение с Богом, обожение ($\theta\epsilon\omega\sigma\iota\varsigma$). Спекулятивное мышление, пленяющее ум понятиями, уступает место молитвенному созерцанию; рациональное познание устраняется в мистическом опыте. В восточной церкви последовательно не ставился и не развивался вопрос о соотношении теологии и философии. Апофатизм позволял свободно оперировать философской терминологией, причем, как правило, на разно-символическом уровне, который препятствовал развитию схоластической теологии. На Западе постепенно происходил отход от апофатизма, который превращал теологию в религиозную философию. В апофатизме отношение к Богу требует непрерывного покаяния. В созерцательной молитве сердце раскрывается перед Богом в молчании. Возникает опыт мистического восприятия «духовного света», «божественной реальности», в котором важное место отводится «сердечному познанию».

Характерная особенность восточного христианства состоит в том, что для него ум, интеллект, разум не являются последней инстанцией в акте познания и фундаментом жизни; умственное размышление о Боге не признается подлинным религиозным восприятием. Учение о сердце в христианстве содержит в себе антиномичность: это не исключительно орган Духа Святого – оно может стать и пристанищем для зла. Сердце есть точка соприкосновения с Божеством, источник жизни и света и, между тем, оно противится Богу и Его Слову, «ожесточаясь» и «каменея» (Деян. 28,27; Мф. 13,15; Мк. 6,52. 8,7; Ин. 12,24. Евр. 3,8. 4,7). Оно есть источник любви, но оно же источник ненависти. Оно – орган веры, но и орган неверия (Лук. 24,25). Самость сердца есть источник греха.

Эта апория, несомненно, связана с фундаментальными проблемами христианского мировосприятия, такими как существование добра и зла, проблема веры и разума, грехопадения и исповеди, свободы и предопределенности. Антиномия греха *логически* неразрешима: если бы она была разрешима, то грех исчез бы в философской рефлексии.

В *третьем параграфе «Догматическая структура христианского слова и исповедь»* раскрывается архитектоника исповедального начала христианского мировосприятия посредством философского анализа его догматического характера. Длительная борьба восточной церкви за догматы и их каноническое истолкование выражала ее стремление сохранить сознание возможности достижения полноты мистического соединения с Богом. Западная патристика рационализировала догматическую истину Откровения, превращая отрицательное богословие в положительное. Речь шла о выборе между условным приятием или полным отрицанием античной философии.

Христианство провозгласило, что «новый союз» Бога с человечеством осуществлен в результате примирительной миссии и свободной жертвы Христа. Речь шла не просто о реформаторстве, а именно об историзме, так как взаимоотношения Бога и человека соотносились с мистически понятой идеей развития и получали временное измерение. Для христианства характерна высокая оценка страдания. Этическая диалектика подается в символическо-мифической форме.

В новозаветном мире в центре стоит проблема личностного выбора. Акцент переносится с «факта» страстей Бога на свободный акт его воли, то есть с природных процессов на этические. С точки зрения Нового Завета индивидуальная человеческая душа в ее неповторимости есть большая ценность, чем все телесные, социальные и интеллигибельные космосы. Греческие отцы, используя философскую терминологию, обретают в ней основание собственной мысли для обоснования новой реальности – личностного в Боге и человеке. В духовном опыте греческих отцов благодатное состояние включает в себе определенный динамизм, зависящий от проявлений человеческой воли. Путь восхождения к единству с Богом – это не иррациональный акт, но бодрствующее состояние, вызывающее к трезвости ума и усилию воли, то есть к созерцанию и деятельной жизни, к собственному внутреннему деланию.

Теология претендовала на создание вселенского языка. Отцы церкви стремились очистить язык философов и мистиков от политеизма. Требование ясности заменялось претензией на глубину гнозиса, выражаемого в догматах откровения. Откровение всегда есть откровение кому-то. Откровение есть объемлющее нас «теокосмическое» отношение. Человек теперь пребывает внутри отношения между Богом и миром. В диалектике откровения имманентность позволяет нам именовать трансцендентное. Попытки мыслить Бога в нем самом повергают в молчание, так как бесконечное нельзя заключить в слово.

Во *второй главе «Проблема человека и исповедальное начало в христианском вероучении»* рассматриваются культурно-исторические условия формирования и становления основных мировоззренческих принципов, методов и категорий исповедального слова в философско-богословской

антропологии Григория Нисского, Блаженного Августина и преп. Максима Исповедника. Исследуется учение раннепатристической традиции о способе познания Бога и Бытия в целом через обращение к сущностному центру самого человека. Ставится задача раскрыть значение практики «внутреннего делания» в контексте формирования исповедального слова в христианском мировосприятии.

В первом параграфе *«Диалогический характер христианского вероучения»* исследуется специфика диалогической динамики христианского слова, его внутренние закономерности и механизмы формирования. Теизм исходит из особого понимания как личности, так и бесконечности, которые оказываются между собой нераздельно и всегда связанными. Грань между Богом и человеческим «Я», когда «Христос живет во мне», согласно изречению апостола Павла (Гал. II, 20), очень тонка. Но именно эта грань как раз и есть граница теизма. Противодействие мистике тождества, как и отмежевание от пантеистической эманации, это постоянная проблема теизма. Язычество есть религия самодовлеющего космоса, в отличие от теизма, который полагает над природой трансцендентную личность Бога. В язычестве все специфические человеческие характеристики, все социальное, личностное или духовное в измерении «Я» в принципе приравнено к природному и составляет лишь магическую эманацию бытия как природы.

В христианстве путь к уподоблению Богу проходит через сострадание и плач. Отказ от красноречия и молчание перед смертным приговором мы встречаем в евангельском рассказе о суде над Иисусом. Свою победу он совершил через молчание. Мир античного язычества – это мир смеющихся богов и убивающих себя мудрецов. Христианская мысль эксплицируется в готовности слышать и быть услышанной. Усилия единичного человека в природном и социальном мире направлены не на космическое обстояние всего сущего, а на спасение каждого единичного «Я».

Свободная воля становится источником парадоксов и драматических переходов от избранничества к отверженности и обратно. Взятое на себя наглядное унижение и смирение есть средство возвышения себя. Если для классического античного понимания человек является гражданином космоса, то в христианстве он предстает царским сыном, терпящим позор, неподобающий его сану.

Для христианского мировоззрения содержательный диалог оказывается возможным с неоплатониками как таким интеллектуальным горизонтом, в котором произрастало новое начало мира – мира христианского слова. Диалогичность речи принадлежит сущности самого бытия, бытия как Слова. Это есть творящее обращенное к человеку Слово. И этому Слову должно соответствовать всякое богословие. Речь идет о процедуре интеллектуального порядка, об осознании изначального онтологического единства Бога и человека. Опыт созерцания богооткрывающейся реальности имеет дело с сокровенным познанием, с истинами Откровения, которые не могут быть достоянием положительного рационального дискурса, присущего философии.

Во втором параграфе «*Исповедальность и формирование внутреннего человека (Григорий Нисский, Блаженный Августин, Максим Исповедник)*» исследуется учение о внутреннем человеке и показывается его определяющее значение в аскетической духовной практике виднейших представителей христианской антропологии и богословия.

Сущность самопознания в христианском вероучении прежде всего есть постоянный акт критического анализа состояния внутреннего мира человека, его души. Исповедальное слово Григория Нисского, Августина и Максима Исповедника есть проявление мыслящей о самой себе души в метафизическом акте вопрошания ума. Идея внутреннего человека – одна из ключевых для христианской философии. Основанием ее было христианское учение о Логосе: его рождении и воплощении, представление о человеке как образе и подобии Бога и его развитие. Человек – Микрокосм, образ и подобие Бога (Быт. 1, 26), поэтому слово в его существе коренится как вечное, творящее и мистическое начало. Оно организует внутренний мир человека, его душу и проявляется в его действиях.

Соединение рационализма и мистицизма при помощи библейского учения о Божием образе в человеке мы находим и в учении о богопознании древних учителей христианской церкви. Умозрительный мистицизм в доктрине христианства обусловлен как его внутренним мистическим настроением, так и влиянием на него некоторых мистических учений греческой философии. Основное движение разумной души – движение к Благу, Истине и Красоте, т.е. к Богу. Осуществляется это движение через добродетель. Внутреннее слово прямо связывается с Христом: через веру нам внутренне открывается божественное Слово и тем самым – наиболее полное знание и мудрость.

Созерцание Божества нашим умом понимается именно в смысле *интуитивного, мистического* богопознания. Логос есть принцип нашего познания и жизни. *Познавать* – это значит «*питаться*» Логосом. Не постигаемый собственными силами нашего разума Бог доступен для нашего познания лишь при посредстве Своего Логоса: только через божественный Логос мы и можем познавать Бога. Логос есть, следовательно, *мистический* посредник для нашего разума в акте познания им Божества. Это основное положение теории богопознания в достаточной степени характеризует собою *умозрительно-мистическую* тенденцию исповедального слова раннего христианства.

Исповедальное слово базируется на окончательном предпочтении духа материи, души телу, внутренней стороны жизни внешней. При этом все внешнее оценивается лишь как символ, как указание на известную таинственную идею, которая составляет истинную сущность бытия и сама есть живая энергия Логоса и истинное питание для ума человека. Для представителей христианской философии идея внутреннего человека всецело сопряжена с деятельностью души. Человек не может просто воспринимать Бога познавательно, но должен принять Его всем своим существом, сердцем, вживаться в Него, передавать Ему свою волю, наполнять Им свой помысел, радоваться этому – и обновляться.

В третьем параграфе «*Жизнь как личностный контекст и ученый текст (Блаженный Августин)*» реконструируется на основе герменевтического анализа процесс формирования исповедальной дисциплины в творчестве Блаженного Августина. Кризисное, переходное время требовало автобиографических излияний исповедального типа. «Исповедь» Августина – это автобиография его души. Покаянная исповедь Августина являет собой феноменальное единство метафизического и эмпирического планов бытия человеческого сознания. Покаянное слово Августина рождает образ христианской исповеди-текста. Задачей христианских мыслителей, в том числе Августина, становилось раскрытие *взаимозависимости самопознания и богопознания*.

Мысль Августина неотделима от своих греческих истоков. Используя категории Аристотеля, преломляемые сквозь призму манихейства, Августин обосновывает их применимость к познанию Бога как субъекта. Августин говорит о действительности бесконечного бытия Бога, которое непостижимо конечным человеческим разумом. Бесконечное Божественное бытие интеллигибельно только для правильно верующего мышления. Вера – это путь, отмечающий вехи духовного обретения человека, путь нахождения себя в истине и истины в себе.

Поиск Бога таит в себе личностный смысл, сопровождаемый конкретной экзистенциальной наполненностью. Акт *cogitatio* у Августина – это личностный акт, заключающий в себе всю полноту и образ божественного начала, всегда личного Бога. Цель познания – это диалог с верующим. Это есть внутреннее обращение, в коем говорящие известны друг другу. Мышление – это внутренняя речь. С помощью слов человек способен высказывать истину, даже не зная ничего о ней. Язык рассматривается как средство открытия слова при интерпретации Библии и как средство выражения слова с кафедры.

Основная проблема Августина – это проблема выражения Невыразимого. Земной мир – не что иное, как книга, начертанная божественной рукой, фиксированный символ божественных предначертаний. Отношение Бог – мир предстает в качестве некоего знака, с помощью которого можно постичь истину через слово.

Понимая самопознание как наиболее совершенный вид познания, Августин переносит центр внимания с внешнего мира на внутренний. У Августина проблема самопознания подвергалась не столько экзегетическому, сколько всестороннему *гносеолого-психологическому* анализу. Последовательные сомнения, очищение души, самовопрошание и внутреннее самопознание столь же последовательно приводят к осознанию себя как христианина. Такая вещь, понятая как стремление субъекта к субстанциальному самоопределению, действительно единична и потому ускользает от всеобщих структур знания. Только одна «вещь» у Августина обладает свойствами всеобщности – Бог.

Таким образом, для христианского исповедального слова характерна обращенность к Богу только через обращение к собственным недостаткам души. Человек в антропологии Григория Нисского, Августина и Максима Исповедника погружен в божественную словесность. Слово тождественно

Истине и самому Богу, а поскольку человек в руке Бога, то его бытие – это бытие в Слове. Но в силу нетождественности Бога и человека слово также, как и другие вещи, двусмысленно. Человеческие слова – неправда перед Богом. И, тем не менее, эти слова приобретают смысл от Божественного Логоса. Так как слово двусмысленно, оно связано и с вечностью, и с временем. Разум обретает созвучие с Божественным Словом посредством исповедального слова в речи и в развитии внутренней мысли. Исповедь начинается младенчеством человека и заканчивается осмыслением начал мира. Исповедальное направление сознания требовало от человека обладания не просто разумностью, оно требовало личности, поскольку личность – то, что открыто общению и взаимопониманию. Самопознающая откровенность души всегда ведет к интеллектуальному напряжению, к поискам начал. В таком поиске исповедальное слово есть философствование.

В заключении формулируются главные положения и выводы, обоснованию которых посвящено диссертационное исследование.

По теме исследования опубликованы следующие работы автора:

Статьи в журналах из списка ВАК

1. Тарасов П.Г. Дискуссия «О специфике религиозной философии» // Научные ведомости БелГУ. Серия философия, социология, право. №9 (40) Вып. 2. Белгород. Изд-во БелГУ. 2007. С. 298 – 300.

2. Тарасов П.Г. Идея формирования внутреннего человека в античной философии и христианском вероучении. // Научные ведомости БелГУ. Серия философия, социология, право. №9 (40) Вып. 2. Белгород. Изд-во БелГУ. 2007. С. 31 – 38.

3. Тарасов П.Г. Истоки исповедального слова в структуре христианского мировоззрения: Августин // Вестник Нижегородского университета им. И.Лобачевского. Серия социальные науки. №3 (8). Н/Новгород: Изд-во ЧНГУ им. И. Лобачевского, 2007. С. 214 – 222.

4. Тарасов П.Г. Проблема истоков исповедального слова в структуре христианского мировосприятия. // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону. 2008. – №2 (39). С. 84 – 87.

Статьи и материалы конференций

5. Тарасов П.Г. Диалектический логос Платона // Духовная жизнь и культура российской провинции. Материалы IV межвузовской конференции студентов, молодых ученых, аспирантов и докторантов. Октябрь 2004 г. Белгород, Крестьянское дело. С. 234-240.

6. Тарасов П.Г., Тарасов А.Г. Диалектический логос Платона: религиозно-философские интерпретации и религиозные смыслы // Материалы I международной молодежной конференции «Иоасафовские чтения». Белгород, 2004. С.277-285.

7. Тарасов П.Г. Римский В.П. Проблема Бога в философии Платона // Сборник студенческих научных работ: В 3 ч. – Вып. VIII. – Ч. II / Отв. ред. В. И. Ерыгина. – Белгород. Изд-во БелГУ, 2004. С. 237-242.

8. Тарасов А.Г., Тарасов П.Г. Нужна ли сегодня религия? // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России: материалы Всерос. науч. конф. (Белгород, 6 – 7 окт. 2004 г.) / под ред. д-ра социол. наук, проф. Л.Я. Дятченко, канд. социол. наук, доц. С.Д. Лебедева. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. С. 296 – 301.

9. Тарасов А.Г., Тарасов П.Г. Педагогика Бытия // Православие, молодежь и будущее России / Отв. ред. А. Н. Швечиков, ред. Т. Н. Федорова. - СПб., 2005. С. 428-430.
10. Тарасов А.Г., Тарасов П.Г. Педагогика Бытия. Религиозно-философско-антропологический подход к воспитанию ребенка // Проблемы духовно-культурного и исторического развития России и российского общества. Сборник материалов межвузовской научной конференции. Белгород: ИПЦ «Политерра», 2005. С.263-276.
11. Тарасов П.Г. Учение о познании и самопознании у Плотина как проект античного глобализма // Философия поверх барьеров: планетарное мышление и глобализация XXI века. Материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Часть 1. Белгород: Изд-во БелГУ. 2006. С. 132-135.
12. Тарасов П.Г. От античного самопознания к христианской исповеди: Августин // Міжнародная наукова конференція студентів та аспірантів «III Харківські студентські філософські читання». Харків, 2006. С. 190-192.
13. Тарасов П.Г. Философия веры в контексте самопознания // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигма: материалы Всерос. науч. конф. (г. Белгород, 4 – 7 окт. 2006 г.): в 2 ч. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Ч. II. С. 73 – 78.
14. Тарасов П.Г. Исповедальный аспект гносеологии С.Н. Булгакова. // «Булгаковские чтения»: I Международная научная конференция (памяти С.Н. Булгакова): сборник научных статей. / Под общ. ред. Л.И. Пахарь. Орел. Издательство ОГУ. Полиграфическая фирма «Картуш», 2007. С. 40 – 43.
15. Тарасов П.Г. Самопознание как исповедь в раннехристианской традиции: Августин // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств – Электрон. журн. – М.: МГУКИ, 2007– . – № гос. регистрации 0420600016. – Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2007/Tarasov.pdf>, свободный – Загл. с экрана.
16. Тарасов П.Г. Самосознание в контексте философии веры. // Миссионерское обозрение. 2007. №3 (137). С. 22-26.
17. Тарасов П.Г. Истоки учения о внутреннем человеке раннехристианской антропологии. // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 2. С. 139 – 144.
18. Тарасов П.Г. Проблема «внутреннего делания» в античной философии и раннем христианстве // CREDO NEW. Теоретический журнал. 2008. № 1. С. 36 -49. – Режим доступа: <http://credonew.ucoz.ru/publ/41-1-0-84>
19. Тарасов П.Г. Молитва в рамках античного учения о самопознании: Плотин. // Проблематизация человеческого бытия в современном мире: материалы всероссийской научной конференции (Курск, 15 – 16 мая 2008г.). Курск: Курск.гос.ун-т, 2008. С. 52 – 57.
20. Тарасов П.Г. Идея формирования внутреннего человека: преп. Максим Исповедник. // Философия и наука поверх барьеров: человек и культурно-исторические типы глобализации: материалы II Всерос. науч. конф. молодых ученых, докторантов, аспирантов и студентов / под ред. Проф. В.П. Римского, проф. А.М. Страхова. Белгород: изд-во БелГУ, 2008. С.128 – 132.

Подписано в печать 28.09.2008. Формат 60?84/16.
Гарнитура Times. Усл. п. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 227.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в издательстве
Белгородского государственного университета.
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

